

ПАЦА УРАЛЬСКІЙ

ЦРМ

Паша Уральский

ЦРИ-1

«Издательские решения»

Уральский П.

ЦРИ-1 / П. Уральский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746913-9

Основано на реальных событиях. Главный герой рассказа, 17-летний студент-заочник, случайно узнает о необычной возможности получить образование в два раза быстрее, чем в других учебных заведениях, да притом бесплатно. Поддавшись соблазну, он отправляется в заведение с непонятным названием «ЦРИ». И только оказавшись на месте, он понимает, что попал в самое необычное учебное заведение всей страны. Мало того, что оно располагалось в лесу, так еще и расшифровывалось как Центр Реабилитации Инвалидов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746913-9

© Уральский П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Прописка	7
Глава 2. Знакомство	10
Глава 3. Люди и крысы	13
Глава 4. Посвящение	16
Глава 5. Дедовщина	19
Глава 6. Боль	23
Глава 7. Жизнь налаживается	27
Глава 8. Любовь-морковь и клубы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ЦРИ-1

Паша Уральский

Дизайнер обложки Юрий Рафаэлович Алиев

© Паша Уральский, 2024

© Юрий Рафаэлович Алиев, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-6913-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Однажды, в далеком 2006 году в одном из регионов нашей необъятной родины, я очутился в Центре реабилитации детей-инвалидов. По сути, это было учебное заведение, где людей с инвалидностью обучали по профессиям «оператор ЭВМ», «бухгалтер», «портной», «секретарь-референт». Поступил я в группу «оператор ЭВМ» (в то время владеть компьютером мог не каждый, и я сделал свой выбор, о чем не жалею), а жить предполагалось в общежитии коридорного типа. Впереди был год учебы...

Вы когда-нибудь обращали внимание на людей, прикованных к инвалидному креслу? Или на людей, у которых нет конечности? Людей, идущих неровной походкой? Их называют инвалидами. Как правило, все отворачивают лица в сторону и проходят мимо. Не знаю что это: стыд, неприязнь или что-либо еще, но так делает большинство. Будучи ребенком, я задумывался – что же приключилось с этими несчастными людьми? А теперь мне предстояло с ними жить бок о бок. К слову, у меня были проблемы с почками – так я получил группу.

Первое, что ты испытываешь, прибыв на место учебы – это шок. Я не был морально готов увидеть отсутствующие конечности и различные патологии. Жутковатое получается начало, но дальше будет смешно и весело. Я обещаю.

Глава 1. Прописка

Я прибыл в трехэтажную общагу и первым заселился в свою комнату. Как и положено, занял самое лучшее место – у окна. Я знал, что у меня будут еще три соседа по комнате, но мучил вопрос: кого ко мне заселят и с какими недугами? Первым соседом оказался нормальный с виду парень Серега, с черепно-мозговой травмой и пластиной в голове. У него было вялое поведение, как у привидения, и он тут же получил прозвище – Каспер. В комнату его привела красивая сестра – она позвала меня в коридор и провела инструктаж: «Если мой брат будет дрыгаться в приступе – держи его крепко и суй ему палку в рот». Блин! Жутковатое наставление, однако, но обещал все выполнить, в случае чего. Сижу с Каспером в комнате и спрашиваю:

– А что у тебя приключилось с головой?

– Да на мотоцикле летели быстро, я упал и прямо затылком об камень, вот и вся история.

В этот момент в комнату зашел парень с «писькой» под носом – ну, вы знаете этот пушок под носом у подростков. Внешне здоровый улыбчивый парень, представился Алексеем. Он тут же вытащил боевой лук, «щадающие стрелы» с резиновым наконечником и учебные мечи. «Вот тебе раз», – подумал я.

– Ты чего это сюда притащил? Леха, ты кого убивать собрался?

– Парни, расслабьтесь. Я эльф-лучник!

– Кто ты?!

– «Толкинист-ролевик», в общем.

– А меч тебе зачем?

– Я еще и фехтовальщик.

Ну, думаю, весело у меня будет... Потом зашла толпа женщин. Они завели к нам нормального парня Сашу. На мое удивление, Саша был внешне здоров, но, блин, он говорил медленно и заикаясь. «Наверно тоже черепно-мозговая травма?». Но все оказалось куда мощнее и интереснее. Женщины (его мама и сестры) ушли, и мы остались вчетвером в комнате. Я спросил: «Ну что, парни, у кого какие проблемы со здоровьем?» Усатый Лучник сказал кратко:

– Ноги болят...

– Ага, понятно. А у тебя, Саша, что?

И тут он выдает первый хороший жизненный урок

– Я укололся метамфетамином с друзьями. Всем стало хорошо, а у меня инсульт приключился, и теперь половина тела парализована (рука, нога) – отсюда медленная речь и походка вразвалочку.

Вот вам, дети, урок: наркотики – это зло. Саша получил прозвище «Тромб». И вот еще любопытная деталь – Тромбу было двадцать восемь лет! Выглядел он как восемнадцатилетний юноша. Может быть это последствия инсульта? Я не знаю.

День продолжался замечательно. Я пошел прогуляться по общаге, и там я столкнулся с двумя земляками:

– Батюшки! Какая встреча! И вы тоже тут будете учиться?

– Будем, – сказали два брата-прибалта: Ян и Раймондс (у одного проблема с почками, у второго онкологию крови вылечили не так давно).

– Это хорошо, что вы тут, ребята. Будем держаться рядышком – авось не пропадем.

Мы пошли на экскурсию по общаге: первое, что нас удивило и смутило – это туалет. Двери вообще не закрывались, а перегородки были пятьдесят сантиметров в высоту. Вы меня понимаете? Пятьдесят сантиметров в высоту. То есть, ты какаешь и при этом смотришь в глаза тем, кто проходит мимо кабинки. Такая ситуация была во всех туалетах, на всех этажах. «В чем

дело?»), – спросил я у коменданта (огонь-бабка – молча быку шею ломает, но про нее позже). Объяснение было более, чем понятным:

– У нас один зашел в туалет, нужду справить, а у него приступ случился. Он и умер...

С тех пор никаких замков в туалетах и никаких перегородок.

– Жестко, но справедливо, – заключил я.

В общем, в течение дня я нагляделся и наслушался достаточно ужасиков, настолько, что заболела голова, и я вышел на крыльцо подышать воздухом. Там была курилка и отличное место для знакомства с новыми людьми. Я понял для себя одно, что большинство ребят внешне здоровые люди, у которых так называемые «скрытые» проблемы (почки, давление, астма, травмы, зрение, слух) и заметил, что полно красивых девчонок. Это радовало. Сперва все стояли молча. Обстановку разрядил один из братьев-прибалтов Раймондс: он весело и задорно рассказывал про свое заселение в комнату, про рваное постельное белье и про туалет. И вот, спустя пару минут, все начали болтать: кто, откуда и как сюда добрался, у кого какая комната – сразу пошел первый смех и стало весело. Все это напоминало летний лагерь. И тут я увидел еще одно знакомое лицо – земляк! Назовем его Тошей. Непонятно, чем он страдал, но был он как дистрофик.

– Эх, скучно! Сейчас бы покурить, – сказал Тоша и тут же, откуда ни возьмись, выскочил мой сосед по койке, Тромб. Он достал пакет с комочком пластилина и сказал:

– Пошли покурим?

Сказать, что у меня был шок – это ничего не сказать. Мой сосед, блядь, наполовину парализованный от «фена», еще и растаман хуев! Я твердо отказался курить это говно, а Тоша и Тромб ускакали за общагу курить план. Кстати, в 2006 «спайса» почти нигде не было и употребляли люди натуральный продукт (но я все равно противник этого говна).

Заебись денек. Я пришел в комнату и увидел, как Каспер сидит в темноте и смотрит на свои ладони, как гадалка (по-русски говоря, он «залип»). Я включил свет и увидел, как эльф-лучник под покрывалом обосранный от страха лежит, глазами хлопает.

– Ну что, весело вам тут?

– Обхохочешься, – сказал Лучник, – я боюсь этого Каспера, и у меня ноги болят.

– Показывай, что там с ногами.

Я думал, что он стукнулся, или что-то еще. Он задирает штанину, а там на обеих ногах голеностопный сустав здоровее двух кулаков! Я отпрыгнул и заорал:

– Ебать, Леха! Да у тебя же перелом обеих ног, бля. Ты чего лежишь и терпишь? Сейчас скорую вызовем!

Он засмеялся и сказал, что у него с рождения увеличенные суставы, и по вечерам они побаливают. В шоке я сел на свою кровать, и тут мне в руки упала веревка.

– Это что за хрень?

Каспер сделал мощное заявление, что если он ночью будет дергаться и орать, то чтобы мы его связали, да покрепче. Я откровенно прихуел от событий, а в комнату зашел довольный накуранный Тромб.

– Эх, сейчас бы музыку послушать, – сказал Тромб ровно, не заикаясь (оказалось, что он, когда накурится, разговаривает идеально, как обычный человек. Вот вам и неизученная сила гашиша для «инсультников»). Я говорю:

– Ага, тебе, наверное, сейчас «Мистер Кредо» в самый раз слушать, про «Чудную долину».

Ответ Тромба меня просто втоптал в землю:

– Да, хороший певец. Он к нам в лагерь с концертом приезжал, когда я срок мотал в Нижнем Тагиле.

Я от этих слов так охуел, а оба соседа вообще обделались.

– Срок? Ты что, сидевший?

– Да. Я и на «малолетке» был. (Как оказалось впоследствии, из личного дела, он дважды судимый – три и пять лет. Тот самый бандит из девяностых, из Екатеринбурга). Но был он спокойный и уравновешенный: я не увидел ни одной наколки до конца обучения, и ни одного слова по «блатной фене» не услышал.

Теперь представьте мое состояние – день был по-настоящему тяжелый. Но, к счастью, он подходил к концу. Я вышел в коридор и увидел, как мужики в форме ЧОП «Лава» бегают по этажу с вахтершей и растаскивают студентов по комнатам. Шла настоящая вечерняя поверка. В двадцать три часа были перекрыты входы и погашен в коридорах свет: «Всем спать, ебвашумать!»

Я лег в мокрую постель (сентябрь, высокая влажность, еще не включено отопление и постельное белье просто прилипало к телу) и потянул на себя одеяло, тут же услышал, как рвется по швам ткань... Заебись. Я смотрел в потолок, а оттуда доносился монотонный писк каждые десять секунд. Это была неисправная пожарная сигнализация.

Глава 2. Знакомство

Нас привели в компьютерный класс, и я впервые увидел ребят, с которыми мне предстояло учиться. В глаза бросились два парня (двоюродные братья). Назовем их Зырян и Косяк. Высокий – Зырян, мне показался несерьезным парнем, волосатый какой-то. Лишь потом я узнал, что он отличный боец и самбист. Также в группе были две девушки: одна страдала излишним весом, а вторая – местная здоровая девочка, которая как-то «замазалась» сюда учиться (с ней я позже хапну горя). Мы познакомились с новым директором (в прошлом следователь из милиции). Скажу наперед – этот мужик станет врагом номер один, а затем заслужит безграничное уважение. Директор заявил:

– Я планирую внедрять спорт в наши ряды!

«Заебись, – подумал я, – бег для астматиков, подтягивания и отжимания для парализованных – это именно то, что нам нужно».

Мы вышли на крыльцо покурить, и тут началось. Ко мне подошел парень с первого курса и заявил, что у нас большие проблемы. Старший курс хочет «прописать» нас в общежитие – вломить пиздюлей и поиметь денег (дедовщина, в общем). Дедовщина среди инвалидов! Эта новость должна была нас заставить испугаться и сломаться. Ведь старшие всегда гасят молодых, так? Но все пошло наоборот. Новость быстро разлетелась по группам первых курсов, и после занятий мы договорились собраться и решить проблему коллективно. В общежитии я увидел толстого парня. Он был прямо «рубаха-парень». Он сразу заорал мне ухо:

– Привет, я Некит. Я живу напротив, и я твой одноклассник! Как жизнь тут?

Я объяснил, что у нас сейчас встреча по поводу проблем со старшим курсом, и он согласился пойти со мной. Нас было пятнадцать человек, все с первого курса, и мы были намерены раз и навсегда решить проблему предстоящей дедовщины. Но для начала надо выпить!

– А где магазин тут?

Я забыл сказать, что заведение располагалось в лесополосе за городом, и до ближайшего магазина было два километра. Короче, мы кое-как дошли до магазина по трассе, набрали пива и затем пили его на остановке, обсуждая проблему.

– Так, парни, вместе мы сила. Старшие заебутся нас ломать. Поэтому, если что не так, срочный сбор и ломаем всех.

Длинную речь подытожил татарин-мариец Пашиев (в голове у него зиял след от дыры, полученной хер пойми где):

– Главное, парни, не лошиться. Будут требовать деньги или отправлять магазин за бухлом – не соглашаться и не шестерить! Если что, зовите. Я их всех убью.

Он достал свинцовый кастет. Я откровенно прихуел от такой подготовки мариЙца. Из толпы вышел конкретный Алэн Делон, мечта девчонок.

– Меня зовут Леха. Я рукопашник.

Эта новость обрадовала меня. Зырян – самбист, Леха – рукопашник и татарин-мариец – психопат с кастетом. Банда была, что надо.

Мы вернулись в общежитие уже уверенные в себе. В умывалке я встретил нормального парня, Антоху («Киприян»). Я его спросил:

– Что за канитель со старшим курсом? Чего беспределите?

У Антона округлились глаза и он выдал:

– Так я и есть старший курс. Вам кто такую херню вообще сказал? Мы ничего и ни у кого требовать не собирались, нахер вы вообще нужны нам?

И тут я соображаю, что произошло – кто-то пустил ложный слух (пошутить решили, мол, пусть молодые обосрут немного), а вышло все наоборот. Пятнадцать пьяных парней

сидели в полной боевой готовности начать массовую драку. Один вообще спал с ножницами под подушкой! Я сорвался к своим парням и сказал:

– Мужики, да нас разыграли.

Хохот стоял невероятный. А тем временем, слухи обрастали жуткими подробностями: в курилке шептали, что или гони денег старшим, или жри стакан соли.

– Короче, надо тупо пиво поставить, чтобы не трогали, – рассуждал один из идиотов. Вечером я нашел распространителя слухов – это была полноватая девчонка со старшего курса – юморист высшей категории, внучка Петросяна, не иначе. В общем, все посмеялись, но я понимал, что дедовщина была неизбежна. Это был лишь вопрос времени.

Особое неудобство представлял график работы кухни в общаге – она рано закрывалась, и была одна вахтерша, сука редкостная, Светка. Она люто ненавидела инвалидов. Эта тетя принципиально закрывала кухню раньше, когда ребята что-то варили или готовили, и никакие уговоры и мольбы не помогали. Светке было похуй.

В один вечер мы жарим картошку, рукопашник Леха играет на гитаре про то, как «мой фантом теряет высоту». Всем хорошо – все голодные. Вахта прилетела и сказала:

– Всем спать...

– Можно мы сначала дожарим картошку?

Она ни в какую не соглашалась. Мы с ней поссорились, съели недожаренную картошку (Светка, бля, привет), и я предложил всем парням:

– Давайте сделаем одну подлянку: вахте спать не дадим?

Мы пошли, расправили свои кровати, разделись и бегаем по этажу в трусах. Мы договорились, что все по моей команде, на счет «три», закричат что есть силы (просто закричат во все горло). Мы подняли для этого святого дела весь этаж, все стоят в дверных проходах, ключи от комнат наготове, чтобы сразу закрыться. Я скомандовал: «три», и не менее двух десятков парней во все горло, как заорали! И тут же, через секунду, скрылись в комнатах, одновременно закрыв двери. Одновременно раздался звук двадцати замков. Это было нечто! Этот крик поднял не то что общагу, по-моему, даже весь район. Вахта, забыв про сон, тут же прилетела, ни хера понять не может. Никого ведь нет. А я в комнате закрылся и смеюсь до слез, как дурачок, остановиться не могу. Мы хохотали весь следующий день, вспоминая, как проучили непокорную вахтершу. Она вскоре уволилась – оно и к лучшему.

Как-то после занятий я стоял на крыльце, и мне попался прибалт Ян. У него был разбит нос.

– Ого! Вот это заявочка. Кто ударил?

– Да с магазина по трассе шел, гопники напали толпой, ударили в лицо и отобрали из пакета пиво... а пельмени оставили.

– Раз пельмени не тронули, значит, точно гопники!

Меня поразило то, что весь город знал, что тут учатся люди с инвалидностью, и это никак не останавливало местных ублюдков. Напротив, они сюда приходили поохотиться на слабую жертву. Ребята собрали малую бригаду и прочесали трассу, но от гопарей и след простыл. Стало понятно, что это не последний случай. Тут кто-то из старшекурсников рассказал мне одну мощную историю. Когда я заселялся в общагу, меня спросили: «Откуда ты?». Я назвал свой город, все опешили и спросили: «Мясо знаешь?» Я ответил, что в своем небольшом городе на лицо знаю всех. Оказалось, за год до моего прихода тут жил-был Паша-Мясо – небольшого роста, худощавого телосложения (но жилистый), из моего городка. Этот парень уж больно любил чудить и не стеснялся драться (позже я ним встретился). И вот, собственно, сам рассказ со слов Паши:

– Пошел я в субботу из общаги с другом в городскую баню, а она, как назло, оказалась закрыта. Ну не пропадать же деньгам? Купили пиво и пока возвращались, оно кончилось. Тут высрались два тела на дороге, стали себя вести не совсем хорошо. Я понимал, что это те самые

ублюдки, которые по вечерам инвалидов из общаги избивают. Я им говорю: «Парни, а давайте попьем пиво за ваш счет?» Гопники обалдели от такой наглости и попытались что-то предъявить, но не успели – я оперативно раздал им пиздюлей, и мы с товарищем пошли дальше. Позади раздался крик: «Эй, пидоры! Стойте!» За нами бежали два избитых гопника и три здоровенных быка. А я думаю, что сейчас одного вырублю с прыжка и по-честному подеремся четыре на два (именно такой расклад Паша считал честным). Все так и случилось. Только драться вдвоем против четверых сложно, думаю, пора «закрывать» – упал, закрылся и лежу, жду, когда ногами бить будут... И что-то меня слабо пинали. Я даже открылся поглядеть: может, случилось чего? Они меня подняли на ноги и стали разводить на деньги. Я прервал беседу, молча ударив самого здорового быка, и опять началась драка – четыре против двух. История закончилась тем, что гопники не были готовы к активному сопротивлению и убежали, сказав: «На днях тебе пиздец, жди нас у общаги».

Эти ублюдки собрали девять или десять машин и приехали, как обещали. Представьте себе картину: к общежитию с инвалидами приехало полсотни быков. Естественно, все студенты испугались. Ублюдки ходили под окнами и кричали:

– Выходи, пидор. Будем тебя убивать.

Паша прошелся по общаге и спросил: кто со мной выйдет постоять рядом, чтобы не убили? Отказались все (как назло, боевые друзья уехали домой на выходные). Паша вышел один... Один против толпы ублюдков, тем самым вызвав уважение среди соперников. Они пытались его поставить на деньги, на пиво или извиниться, но ничего не добились. Активный похуизм и отсутствие страха перед дракой сделали свое дело. Ублюдки пригрозили, что в таком случае регулярно будут отлавливать студентов и пиздить их на трассе. Мясо сказал, что в таком случае ему придется обратиться за помощью к друзьям. Все знали, что у Паши есть друзья на «Уралмаше», в близлежащем Екатеринбурге. На этом конфликт был исчерпан – до конца учебного года никаких проблем с местными не было. Но сейчас Мясо уже не учился, и, как вы заметили, местные ублюдки активизировались – проблему надо было решать.

Глава 3. Люди и крысы

Иду я, значит, по общаге и вижу страшного парня. Все видели в советских мультфильмах жуликов и бандитов? Вот, один в один: маленький, круглый, смуглый, глаза черные, а сам в кожанке такой. Один внешний вид внушал реальный страх – кстати, он был цыган из Нижнего Тагила, за что и получил прозвище Жулик. Так вот, этот Жулик был добрейшей души человек, простой и честный (вот так порой внешность бывает обманчива). Мы познакомились и вечером пошли толпой пить пиво! Пока шли, обсуждали проблему с местным контингентом. И тут мы нарываемся на толпу быков. У магазина был игровой клуб, в котором ошивалась всякая нечисть, а тут мы – при деньгах, тепленькие идем. Я даже не успел среагировать, как Жулик подлетел к быкам и заорал:

– Здорово, братва! Вы чего, местные, да?

И тут в разговоре выясняется, что у Жулика родной дядя местный серьезный бандит какой-то, по линии цыган. Мол, мать велела поклон передать, в гости как-нибудь заскочу позже. Мы не понимали, о чем идет речь, но быки все поняли. Они пожали руки и пообещали все передать.

– Вот-те раз, – подумал я, – лихо выкрутились.

Но, помимо нормальных парней, попадались и такие экземпляры, от которых по сей день то живот от смеха сводит, то глаза кровью наливаются. Начнем с одноклассника по прозвищу Пупс: лысый, в «Адидасе», четкий парень из Екатеринбурга. Этот педрила после знатной пьянки воспользовался ситуацией и пошел утром по комнатам, которые были не закрыты. Там он спиздил пару телефонов прямо со стола спящих ребят (это выяснилось уже позже). К тому же, он имел привычку грубить. Сижу я, ем печеньку и слышу, кусается кто-то в коридоре. Ага, Пупс нарвался на человека. Они оба уходят поговорить. Угадайте, куда? В сортир! Нет хуже разговора, чем разговор в туалете. В случае драки падать там ни в коем случае нельзя – умри, но на ногах останься. Пупс вроде как наш одноклассник. Мы с Зыряном заходим следом, чтобы разобраться, кто прав, а кто – нет. И что я вижу? Пупс из матерого парня мигом превратился в запуганного котенка. На вопрос, в чем дело, рассказывают: шел человек соли попросить, как положено, постучал в дверь, а Пупс говорит: «Ты еблом в дверь постучи, понял!» И тут надо бы извиниться, или давай «раз на раз» потягаемся, так сказать, определим, кому из нас еблом стучаться об дверь надо? Все по-честному, Пупс не прав, и значит, впрягаться за него мы не будем.

Так я познакомился с пострадавшей стороной – Данил Лушан, хохол и наполовину татарин. И этим все сказано: проныра и массовик-затейник. Короче, извинился Пупс и купил пострадавшей стороне пиво (унижение страшное, пиздец). Ну и документы забрал через неделю, так как жить ему после такого провала по-блатному не получится. Оно и правильно – крысам, воруящим телефоны у своих, тут не место.

Этим же вечером в умывалке я увидел чистокровного татарина по имени Раис, в очках для зрения и роговой оправе, как у бабушки. Этот чудик мне с порога заявил:

– Ты же мой брат!

– Это почему?

Выяснилось, что я чем-то похож на его брата, которого он любит, и теперь он будет любить меня... Заебись.

– А ты чего в очках, Раис?

И тут он поведал мне душещипательную историю про кучу бандитов, девушку и знатную драку, где ему сильно повредили зрение. И все бы ничего, но история в течение года каждый раз менялась до неузнаваемости – то его хулиганы стукнули, то разбился, а потом до конца года рассказывал удивительную историю. Вы только послушайте:

– Было это на военных сборах, в пятнадцать лет! Нас учил инструктор-афганец. И в один из дней он проверил нас на храбрость – мы встали в круг, инструктор достал гранату, выдернул кольцо, и мы стали ее передавать из рук в руки (я даже сейчас пишу и смеюсь). И вот один мальчишка не выдержал напряжения и... Нет, не обоссался, а бросил гранату в воздух... Все упали на землю, а я получил контузию, из-за которой отказал один глаз. В общем, Раис был патологическим пиздоболом, но вся соль в том, что мы это прочухали не сразу и знатно обожглись. Как, спросите вы? О, дорогой читатель, сейчас я поведаю историю, которая переходит из уст в уста!

В первый месяц обучения на выходные все уезжали домой (постираться, за деньгами и прочее). В очередную пятницу была хорошая погода, и я намыливался в Екатеринбург к сестре. И слышу разговор Раиса:

– Парни, а поехали лучше ко мне на дачу? Всей толпой посидим в баньке, попаримся, пивка поьем, девочек деревенских приведу, песни под гитару – все в лучшем виде.

Вы понимаете, как сладко он это говорил? Ясен хуй, все согласились, и я тоже чуть не согласился (о чем до сих пор жалею – я должен был увидеть этот адовый пиздец). В воскресенье я, сытый и чистый, вернулся в общагу и увидел, как из автобуса вываливаются какие-то бомжи... Пригляделся – батюшки, да это же наши парни, которые ездили к Раису на дачу. Все злые, сырые, вонючие как бомжи – небритые и пьяные.

– Что случилось, парни?

– Мы были на даче, блядь, – сказал прибалт Раймондс.

И тут я слышу историю, собственно. Двенадцать человек поехали на электричке в глухую деревню Лебедкино. Добрались уже ночью, грязные и промокшие, прихватив с собой пельмени и водку. Шли они, как вы понимаете, не по асфальту, а по болоту. Раис шел и приговаривал: «Сейчас, парни, в баньке отогреемся. Девоч приведу». «Раис, если баб не будет, то будем ебать тебя!»

– Долго еще?

– Рукой подать. Всего пару километров.

Пришли, в общем, на край села. А изба – пиздец страшная. Раис важно заявил:

– Парни, не переживайте – это не наша изба, наша вон там, ниже.

Ниже стоял сгнивший и вросший в землю домик для хоббитов. У парней случился шок.

– А где, собственно, баня?

– Ой, кажется, дядька ее не успел построить к осени. Ну что же, обойдемся без нее.

Раис взял палку, взломал навесной замок и сказал:

– Добро пожаловать!

– А где выключатель, Раис?

– Свет отрезали летом. Но можно на столб залезть и вручную подключиться. Правда, мне нужны «когти».

– Ох, темно уже, однако, – заключил Раис, – посидим без света, сейчас свечек побольше принесу.

Раис принес ровно один огарок свечи!

– Раис, а где мы спать будем? В доме один диван и кухня, а нас двенадцать человек.

– Это, сейчас печку вот натопим, ух, как тепло будет! На полу можно спать...

Я даже не знаю, что испытывали парни в тот момент. Но ад продолжался.

– Раис, где дрова? Во дворе даже поленицы нет! Чем топить?

– Так вот, в доме паркет же есть (в доме в пачках в углу лежали паркетные плитки).

Пришлось топить паркетом. Парни допустили роковую ошибку: они сняли и сложили свои куртки возле окна. А когда печка нагрелась – окна потекли и куртки насквозь пропитались мокрой плесенью. Но этот сюрприз они увидели утром. А пока нужно было придумать – в чем варить пельмени? Они скрутили ведро у колодца и в нем сварили пельмени...

– Так, а столовые приборы где?

– Вот, вилка одна...

На двенадцать человек... Парни отломали щепки от паркета и стали кушать с их помощью.

– А где водка?

– Вот бутылка.

– А что она пустая-то? Литр же целый был.

Оказалось, что среди толпы не выдержал парень по прозвищу Гена, и он без закуски в течение часа выпил литр, пока парни налаживали быт. Потом он молча упал под стол и уснул. Среди всех он был самый счастливый.

Атмосфера зла нарастала – все осознали, что Раис редкостный пиздобол. Хорошо, теперь спать и утром бегом обратно. Но даже на полу катастрофически не хватало места всем парням. Один встал, чтобы подкинуть паркет в печку, а по возвращении обнаружил, что места на полу нет. Он уговаривал людей подвинуться, но все лежали с открытыми глазами и делали вид, что спят. Всем было плохо...

Они чудом вернулись обратно. По дороге ребята с горя напились и на вокзале Екатеринбурга их приняли за бродяг и задержали половину, затем каким-то чудом они все очутились в одном автобусе, который вез их в общагу... В автобусе все сидели по разным местам, и никто не разговаривал с Раисом. Чистокровный татарин Раис заслужил «отличную» репутацию на весь учебный год...

Глава 4. Посвящение

Наша общага была трехэтажной. Наверху жили парни, там творился адовый пиздец, в хорошем смысле этого слова. Пьянки-гулянки, но все втихую, как положено. На втором этаже жили девочки, там был рай для знакомств, а вот на первом... На первом этаже была резервация, где жили очень юные девочки, поступавшие сюда на базе девяти классов (ну вы понимаете меня, да?). Первым делом мы ломанулись туда знакомиться. И в этот же вечер у одной из девочек украли телефон. Пиздец, стыд и позор! Подозреваемых было буквально пять человек, в том числе и я. Но я-то не воровал. Круг подозреваемых сузился, и под подозрение попал мой земляк – растаман Тоша. И затем в течение месяца везде, где он появлялся, потихоньку исчезали телефоны, mp3-плееры, но никто ничего доказать не мог. А, как говорится, не пойман – не вор. Атмосфера зла нарастала, среди нас была конкретная крыса, и поймать ее никак не могли. Ситуация ухудшилась, когда телефоны стали пропадать в те дни, когда Тоши в общаге не было. Это означало, что вообще кругом подстава. Всех объединяло желание выловить «крысу» и расхлестать ей ебальник.

Однажды я вернулся с занятий и увидел, что мой телефон, только что оставленный на кровати, исчез.

– Кто?

– Тоша заходил недавно, – промычал Эльф-лучник.

Кстати, про Эльфа: за свою страсть к фехтованию он получил общее прозвище Ниндзя и его оперативно невзлюбили за пушок под носом. Он не мог за себя постоять, даже морально, а это было очень плохо, на таких обычно ездят. В общем, я зашел в умывалку, где сидел Тоша, и сказал ему в лоб:

– Через десять минут телефон должен лежать у меня на кровати. Если его не будет, я расхлещу тебе ебальник. Вопросы есть?

Телефон лежал на кровати уже через пять минут, но все было разыграно как «шутка юмора». Ох, братан, ты чего, шуточек не понимаешь? Мы же разыграть тебя хотели, на реакцию посмотреть... Но мне было не смешно. Я наказал всем сожителям закрывать комнату, даже если вы выходите пописать, покакать, воды набрать и даже если тупо в коридор воздухом подышать – дверь, сука, закрыть, и точка.

Неприятный сюрприз моей общаги 2006 года – это отсутствие горячей воды. Ее давали только по вторникам и четвергам. И всего на два часа. Нужно было заранее записываться в журнале, мест не хватало, и, как вы понимаете, были скандалы. В один из вечеров я уже конкретно чесался и мечтал помыться. И тут смотрю: а душевая-то свободна. Это был мой шанс. Я полетел туда бегом, и в самый интимный момент, когда моя задница была в мыле, кто-то начинается выламывать дверь. Я прихуел от такой наглости, открываю дверь, а там стоит вахтерша и два парня. Эти три персонажа меня осадил как щенка. Затем парни молча зашли ко мне в душевую, разделись и... Нет, они меня не оттрахали. Они начали мыться. Я не педик, и мне реально с непривычки было стремно мыться с двумя посторонними парнями, которые трясут своими хуями возле меня. Но это общага, сынок. И среди девочек происходила такая же херня.

Там, в душевой, я познакомился с персонажем-долгожителем по кличке Камардин. Он был эдакий серый кардинал общаги: никогда не лез в разборки, но своего не упускал. Он первый сказал речь, которая нас, первокурсников, напрягла не по-детски. Он сказал: «Вы думаете, что крепко сдружились? Хуй вам. Думаете, друг за друга будете стоять? Хуй вам. После посвящения в студенты (конец сентября) среди вас появятся те, кто будет шестерить, бегать в магазин, будут те, кто будет безвозмездно занимать деньги, будут крысы (они уже появились), будут стукачи. И все это будет среди вас, молодых. Поэтому внимательно приглядитесь к тому,

кто возле вас». Вы даже не представляете, до какой степени Камардин оказался прав. Этот сукин сын просто в воду глядел и все знал.

Вечером нас собрали в зале, где сидели воспитатели (звучит смешно, но там еще сидит психолог и социальный педагог. Все потому, что в общаге есть несовершеннолетние). Главный нацист-надзиратель Татьяна объявила, что впереди конец сентября, и будет посвящение в студенты – каждая группа должна приготовить сценку для выступления. Мероприятие называлось «Осенний бал», но, по факту, это и было посвящение. Я сейчас напоминаю вам, что дело происходит в «Центре реабилитации инвалидов». Но даже в таком, казалось бы, депрессивном месте, шутят так, что «Камеди Клуб» и рядом не стоял. Шутят над всем, особенно над своими недугами. Вот и мы поставили сценку, где Кашея играл дистрофик, Царевну играла девушка, страдающая ожирением, а старый король был прикован к инвалидному креслу. Смерть Кашея в яйце. И Кашея били с размаха ногой по яйцам. Зал ревел от восторга и топал ногами. Другие группы жгли ничуть не хуже – победа досталась старшему курсу вполне заслуженно. Вытирая слезы от смеха, я впервые осознал, что люди, отворачивающие голову при виде калеки, просто понятия не имеют о том, что эти люди тоже умеют любить, умеют шутить и смеяться, они живее серой массы на улицах. Кстати, в этом же заведении учились отдельные группы местных ребят – полностью здоровых. Так что народу в учебном заведении была куча.

После «Осеннего бала» этим же вечером состоялась дискотека, по размаху веселья ничуть не уступавшая ночным клубам. Я впервые в жизни так отдыхал и так веселился. Кстати, именно там мы сдружились со старшим курсом. Наутро я всем объявил:

– Бродяги! У меня день рождения, короче, на носу! Надо бы отметить...

Я понимал, что в общаге херова туча ребят, и у меня денег тупо не хватит, чтобы отметить это мероприятие. Решение нашлось само собой: «А давайте по сто рублей скинемся?» Вы скажете, что сто рублей – это мало? Но не в 2006 году. «Полторашка» свежего пива стоила 40 рублей, а проверенная водка от 56 рублей за бутылку. Вы понимаете, какие раньше были цены? Мать вашу, верните мне мой 2006/2007. Короче, нас собралось вечером тридцать пять с лишним человек. И тут возник резонный вопрос:

– Господа, а где мы будем праздновать, собственно?

– А давайте в лесу?

Я напоминаю, что заведение находилось в лесополосе, и кругом был сосновый бор, стоящий на возвышенности. То есть, в лесу всегда было сухо, хоть жопой на подстилку садись – не промокнет ничего. Зайти в лес мы зашли – было светло, а вот как выходить из леса по темноте – об этом отдельная мощная история.

Мы хорошенько затарились в магазине и ушли куда-то в лес, вроде, в сторону общаги. Трава сухая, погода супер, и мы вот прямо упали возле костра и давай пить, кушать и песни Цоя под гитару орать. Тут внезапно стемнело, в коматозном состоянии ко мне подкатывает одnogруппница (та самая, которая местная и здоровая, с которой я сейчас хапну горя). Она говорит:

– Ты мне нравишься, пошли в лес глубже?

Я, идиот, увожу ее за соседнюю сосну, пытаюсь поцеловать эту скотину. Но, как только мой рот приблизился к ее губам, эта сволочь изрыгает мощную струю блевотины. Хотите верьте, хотите нет, но я чудом ушел от струи, но вот этот запах желудочного сока не забуду никогда. Она упала в лужу своей блевотины. Я хотел ее поднять, но она была тяжелее меня... Я ронял и ронял ее обратно в лужу. Со стороны это походило на то, как я кота мордой тыкаю в то место, куда он нагадил... Я это делал не специально, поймите – я был пьян! Позади раздался голос:

– Собираемся, парни. Скоро общага закрывается, надо возвращаться...

И тут я увидел, что мы не за соседней сосной стоим, а метров так за 20 от места пьянки (синька – чмо). Ориентируясь на костер, я дошел до ребят и меня спрашивают:

– А где одnogруппница-то?

– Ох, ты ж, бля! Потерял!

Но ее быстро нашли по запаху. Вокруг окончательно стемнело. А мы же первокурсники, и лесной местности совсем не знаем. Ну, давай расходиться в общагу.

Начался спор: куда идти? Я тыкнул пальцем в небо и повел первую половину людей. Вторая половина уперлась рогами и уверяла, что выход из леса в другой стороне. Так и разошлись – кто куда. Надо сказать, что я удачно вывел людей из леса на трассу, но возникла проблема: одна девушка не могла самостоятельно идти, и ее подобрал мариец Пашиев, взял на руки и побежал... Прямо в канаву. Они упали. И я, идиот, подобрал девушку и пронес ее на два метра дальше, чем он, и упал в ту же канаву... Меня поднял Пашиев, и мы дошли до общаги. Все благополучно забыли про девушку. И тут я вспомнил:

– А где, собственно, девушка?

Пашиев заверил, что оставил ее в канаве. Ситуацию урезонил один хороший человек. Он сказал, что девушку уже принес лично в общагу, и она спит. Первая партия добралась успешно.

А вот вторую половину людей, в которой была моя заблеванная одnogруппница, выводил из леса Некит (толстый рубаха-парень). Они вышли вообще в противоположную сторону, к городскому вокзалу. Парни передали одnogруппницу маме в руки и все, время вышло. Общага закрылась, парни понимают, что ночевать придется на улице. Спали сперва на вокзале, откуда их в час ночи выгнали, потом на лавках на улице. Представьте, сентябрь месяц, минус такой... Короче, где-то в четыре утра ходит прибалт Раймондс по территории вокзала и пьет ледяное пиво, мерзнет и сам себя проклинает, что со мной не пошел. Стало слишком холодно, и все толпой валят в первый ближайший подъезд. Заходят и падают к батарее (вы себе представьте ужасную картину – на полу в подъезде валяться у батареи). И тут открывается дверь квартиры, и там пожилая пара просто охуевает от того, что куча парней бомжует... И говорит старушка:

– Мальчики, может вы зайдете домой, на диванчике приютитесь в тепле до утра?

Прибалт так обрадовался этому предложению, что даже не поверил счастью... И тут дурачок Некит громко говорит:

– Да не, спасибо, бабуль, у нас все нормально.

И бабуля закрывает дверь... Все, занавес. Прибалт чуть не умер от гнева. Так они и сидели до семи утра, пока общагу не открыли. Вернулись они помятые и встретили нас. Узнали, как я довел свою половину до общаги. Смеялись все.

Наутро цыганской почтой мне приходит сообщение от Тоши, что вчера один чудик потерял пятьсот рублей в лесу, где мы бухали. Поэтому в обед тихонько сходим и поищем. Приходим в лес, а там весь вчерашний состав бегаёт и ищет купюру. И все понимают, до какой степени мы нелепо выглядим. Купюру так и не нашли. Но нашли много нетронутого пива. Нашему счастью не было предела – поисковая операция явно удалась.

Все шло хорошо, даже слишком, так бывает перед страшной бурей. Так и случилось: в будни я уехал домой по срочным делам, и вечером позвонил Лехе-рукопашнику, спросить, как, собственно, дела? Его ответ я принял за глупую шутку:

– Прибалт Раймондс ходит весь в синяках, глаза открыть не может. Его соседу по койке разбили все лицо, кстати, и твой сосед Ниндзя пострадал. Ему сломали нос, и теперь у него затекли оба глаза. Он похож на панду. И чуть не забыл... Твой сосед по койке Каспер испугался массовых побоев, забрал вечером документы и покинул заведение. Поздравляю, теперь вас двое.

– То есть как двое?

– Ну вот так. Каспер ушел, Ниндзя дома, в челюстно-лицевую хирургию направлен, в комнате живет только Тромб.

Я был в диком ахуе.

Глава 5. Дедовщина

Вернувшись в общагу, я первым делом направился к земляку Прибалту, надо было выяснить, что тут, в конце концов, произошло, что за массовое побоище? И какого хуя никто не отреагировал на такой беспредел? Раймондс сидел с подбитым глазом и с порога заявил:

– Я был не прав, получил за дело, поэтому никаких разборок не надо.

А дело, собственно, было так: нам выдали первую стипендию. Растаман Тоша и хохол Лушан вместе со старшим курсом пошли клянуть «по мелочи» на пиво. Тоша поймал Прибалта в умывалке и задал стандартный вопрос:

– Есть че по мелочи?

Раймондс был диким противником подобного рода гопо-попрошайничества и, брякая мелочью в кармане, в лоб ответил:

– Нету!

Завязался сперва вежливый диалог: почему Прибалт лукавит? Ведь можно сложиться деньгами и потом совместно продегустировать вечером пиво? (Звучит ласково, но никто ничем делиться не собирался). Разговор приходит к тому, что в умывалку зашел представитель старшего курса Шрам (на всю башку красивый такой, широкий, здоровенный шрам). Он, выслушав историю, подписал Прибалта за пиздобола (оскорбление неприятное). В умывалку зашел старожитель Камардин. Он как раз на днях «закусился» с Раймондсом за то, что тот не позволил взять со стола конфету без спроса (шуточки такие у старших – молча брать вещи). Камардин объявил Прибалта «жлобом» и «пиздоболом». Реакция была соответствующая, до драки оставались считанные секунды. Раймондс ударил на опережение, но промахнулся. Шрам, увернувшись, хорошенько втащил ему пару раз, Камардин добавил, и на этом драка была завершена. Я лично сообразил следующий дерьмовый расклад: Тоша и Лушан – первый курс, и они снюхались со старшими. У нас явный раскол в бригаде. Вот поэтому никто ни за кого не стал впрягаться. Плюс эти подозрения в воровстве телефонов. Ох, и мутные же типы, блядь. А ведь Камардин предупредил заранее.

– А соседа моего, Ниндзю, кто искалечил?

– Шрам и искалечил...

– Вот те раз! Как так?

– А он после первой драки с горя напился и пошел в курилку, где уже обсуждали его выходку. Разгоряченный Шрам кричал, что просто рассудил спор и первым не бил, а защищался. И зачем было врать? Я пиздоболов не люблю, их надо наказывать.

В этот момент в коридоре показался Ниндзя с писькой под носом. У него Шрам уже спрашивал мелочь.

– О, дружок. Заходи сюда, у тебя есть что по мелочи?

– У меня только на дорогу, – пробульенил Ниндзя.

– погоди, на какую дорогу? У тебя проезд бесплатный, а стипендия?

– Ну да, еще стипендия... (Это был неправильный ответ).

Шрам взвыл от злости:

– Что же вы пиздите-то все? Я ведь у тебя спрашивал час назад, у тебя ни копейки не было. Так?

– Так.

– А сейчас уже и на дорогу, и стипендия. Ты вот для чего мне пиздел, товарищ?

Девчонки в курилке мигом сообразили, что сейчас будет, и попытались схватить за руку Шрама, но удержали только одну руку. Второй Шрам залепил Ниндзе хорошую подачу с кулака. Да так удачно, что разломал ему нос. Ниндзя до конца обучения будет храпеть, как трактор. Говорят, кровищи было море... Выслушав историю, я спросил:

– А третьего кто отмудохал?

– Не поверишь – свои же, с первого курса! Только тихонько, пару тумачков, за то, что шарахался по коридору после отбоя.

– Ну и дела, – сказал я и призадумался.

Маховик дедовщины был запущен, молодежь кусалась между собой, и сильные наказывали слабых. Остановить это было невозможно. В такой ситуации надо было думать, как за себя постоять. Раймондс сказал, что за драку Шрам был выгнан нахуй из общаги и почти отчислен из учебного заведения. Сейчас его не найти, он уехал домой. Кстати, он все ходил, извинялся. А вот сосед твой по койке – Каспер, увидел залитого кровью Ниндзю и молча собрал вещи, мы даже не заметили, что его уже нет. Накуренный Тромб сообщил, что он забрал документы и больше не вернется. Я зашел в свою комнату – там лежал Тромб, на полу валялась окровавленная рубашка.

– Это чья?

– А это Ниндзя нос вытирал, – сказал Тромб, не заикаясь. Ага, накурился, сука.

Вечером мы собрались основным костяком в одной из комнат с бутылкой водки и стали обсуждать причины конфликта. Я спросил Тошу и Луцана, какого хрена они исполняют? Ответ был непростой. С их слов, расклад был такой: «В общаге есть сильные и есть слабые, есть люди, а есть лохи – это естественный отбор, и впрягаться за каждого смысла нет.» Они спросили:

– Ты свои проблемы сам решаешь?

– Сам...

– Тогда позволь и другим решать проблемы самостоятельно.

Я осознал главное: никто из них не смел на меня прыгать, но впрягаться за каждого я не мог – один в поле не воин. Таким образом, в общаге дедовщина приняла законный характер. По вечерам я видел, как слабых отправляют в магазин за продуктами и спиртным (два километра по трассе туда и два километра обратно). Один мальчишка по имени Гоша, бегал по четыре раза за вечер, регулярно. Особым шиком было посреди ночи поднять молодого и выбросить его из окна второго этажа – за водкой. Обратно залезай как хочешь. Кстати, за год до нас тут учился мужик – бывший танкист, без руки и ноги (его «коробочку» сожгли в Грозном в 1995 году). Так он самостоятельно из окна спускался, гонял себе за водкой и залезал обратно. Как? Да хуй его знает, но об этом говорили все.

В один из дней одноклассница (та, местная, что проблевалась в лесу) припомнила мне свой позор и начала угрожать расправой за содеянное (я до сих пор не понял, что я такого натворил?). По-моему, она была просто тупая малолетка. Дело приняло серьезный оборот, когда свидетели ее рвотного подвига растрепались об этом на все учебное заведение (они растрепались, а виноват, сука, почему-то я?). Она подошла и заявила:

– Тебе пизда!

– Что, простите?

– Тебе пиздец. Я решила, что подобные дела не должны оставаться безнаказанными, тебя вывезут на трассу и завалят нахуй.

Я решил, что это бред тупой пизды, но масла в огонь подливали местные ребята. Они предупредили, что у этой пиздятины хорошие подвязки с местными отморозками, которые частенько вывозят людей на трассу (мода такая у них). Я спросил:

– Чего ты хочешь?

– Извинений!

– Да ради бога. Оля, прости, что ты напилась на моем дне рождения.

Наступила пятница, и все знали, что мне пиздец, просто все. Ко мне подошел человек и сказал:

– В воскресенье подъедут люди от нее, и они хотят поговорить (я вспомнил Пашу Мясо и его подвиг). «Кажется, настало мое время», – подумал я.

Проблема заключалась в том, что бежать я не собирался, да и некуда было. Не бросать же учебу. Но и умирать я не собирался. Надо было что-то делать. Подражаться один на один я не боялся, а вот получать пиздюлину от толпы, да еще и битой, как-то не хотелось. Я вышел на улицу и эта пизда заявила:

– Все, мальчики подъедут. Так что копай могилу, на похоронах увидимся.

В этот момент я решил, что пусть будет что угодно, но я должен остаться живым и не упасть в грязь лицом. И тут я вспомнил про своего одноклассника, который при поступлении мне сказал, что может достать что угодно и решить проблему любого характера (он снюхался со студентами МЧС Екатеринбурга, костяк бригады был родом со знаменитого «Урал-маша», а часть с «Химмаша» – тот самый отможенный район, про который читал рэп «Витя АК-47»).

Я понимал всю дебилность ситуации и решил: подыхать я не собираюсь и опускаться не буду, хоть убей (прошу заметить – про помощь из общаги я даже не смел думать, я знал, что это мои проблемы). Я позвонил однокласснику и сказал в лоб:

– Алик, мне ствол нужен. Можно травмат, но лучше что-нибудь нарезное. Вопрос в деньгах не стоит – куплю даже паленый.

Алик пригласил меня посетить Екатеринбург и обсудить вопрос наедине. Он отреагировал так спокойно, будто торговал оружием всю жизнь. Когда я уезжал из общаги, мне вслед смотрели все. Кто-то советовал отсидеться дома, кто-то вообще уйти. Ну, пиздец, бред, в общем, мне было похуй. Я знал, что ситуацию разрулю, даже если мне придется стрелять в людей. Я прибыл на встречу, объяснил ситуацию – ствол мне нужен не чтобы убивать, а чтобы меня толпой не убили, хотелось бы иметь козырь. Алик подумал и сказал, что без ствола реально сложно будет, если их толпа, то и кастет не поможет. Тут есть одно «но». Братву я могу позвать только в том случае, если противник будет неправ конкретно – то есть, если они тебя ушатают. Вот тогда я приглашу ребят, и мы будем иметь полное право по закону и понятиям спросить с них, как угодно. А пока ты целый, помощи не будет. И еще, кто же за бабу в тюрьму поедет? Правильно, никто... Я уверен, они просто тебя напугают и вломят пизды. И вот как только ты станешь пострадавшей стороной – мы имеем полное право действовать. Кстати, ствол достать в такой короткий срок не смогу. Но скажу так – если попытаются затащить в тачку, бей ножом в кого угодно, сваливай в темпе вальса и отзванивайся. При таком раскладе обещаю железную помощь. Этот расклад меня устроил, и мы попрощались с Аликом.

В воскресное утро я поднимался на третий этаж общаги и слушал, как кто-то играет на гитаре. Раис громко пел, кто-то бесился, играли в карты, жизнь кипела и была такой сладкой. Но все заткнулись и прихуели, когда увидели меня.

– Ты чего тут делаешь? За тобой ведь приедут сегодня?

– Да, знаю, чего, бежать теперь, что ли? Будем разбираться, – ответил я.

Позже я осознал, что именно тот факт, когда при прямой угрозе жизни я вернулся и остался, создаст мне серьезную репутацию и уважение. До конца обучения ни один человек не посмеет что-то сказать в мою сторону. Из толпы выскочил уже пьяный психопат-мариец Пашиев и сказал:

– Заебись, что ты приехал. Я с тобой выйду! Пусть убивают, вообще похуй. Рядом буду погибать!

От таких слов я чуть слезу не пустил. Остальные воздержались от слов. День близился к концу, а машины за мной до сих пор не ехали. Особую атмосферу придавал играющий на фоне тюменский рэп. Звучало что-то: «Не заставляйте маму плакать, стволом не тычьте в бошки». Я видел, как все мне сочувствовали; кто-то ждал, что я сломаюсь. Но у меня был четкий план, и я пил чай... А затем водку и пиво. И тут заходит разговор: «А если тебе пред-

ложат один на один пиздиться, пойдешь?». Я ответил, что, конечно, пойду, с удовольствием, один на один не так страшно. Пашиев не унимался, его взбесил тот факт, что нас могут вот так прижать к ногтю. Он кипел от злости и твердил:

– Убью, сука! Хоть против толпы, но с тобой рядом. Пусть потом от страха срутса и знают, что сюда соваться не следует (я охуевал от слов Пашиева).

И вот настал вечер, я ужинал в столовой, и тут ко мне подлетели парни и, запыхавшись, сообщили:

– Тебя пасут у общаги.

У всех округлились глаза.

– Как выглядят и сколько их?

– Их двое.

– Чего? Всего двое? Как-то не солидно... Ну что же, ладно, хоть не толпа... А машины рядом есть?

– Есть! Две тачки стоят, окна темные.

– Заебись, – сказал я и продолжил кушать кашу. И тут, твою мать, случилось то, от чего я прихуел: рядом сидящий хохол Лушан, самбист Зырян и вся пиздабрания подседа ближе, и они сказали мне:

– Один не выходи, выйдем вместе. Если что – ебашимся толпой.

Ох, я и возрадовался от таких слов. Я самый первый вылетел из столовой и шел так, ну, бля, как в Голливудских боевиках. На фоне оставалось включить нигерский рэп – и прямо вообще картина огонь. Я увидел, что у входа стоят две машины и два незнакомых типа караулят кого-то.

Уверенной походкой я приближался к общаге, как вдруг одна тачка сорвалась с места, но выехать она не смогла и забуксовала. Я подлетел к тачке и заорал:

– Ну что, братан, проблемы?

В машине сидел старый дед. Оказывается, он привез внука на учебу из дома.

Вот же блядь, как неудобно-то, обознались. Так, а вот вторая тачка чья?

– Эй! Да, ты. Это твоя машина?

– Да, моя.

– А ты вообще кто?

– Я супруг воспитателя из общежития.

– Простите, дядя, обознался...

На крыльце стояли два типа. Ну это уж точно за мной пришли. Я влетел на крыльцо и, как бабуин (стыдно вспоминать):

– Что, парни, хотели? Позвать кого?

– Нет-нет, спасибо, мы на свидание пришли.

В этот момент из общаги вышли две девочки, они взяли за руки своих кавалеров и пошли гулять. Это был занавес... Мы прочесали территорию на наличие посторонних – везде тишина и спокойствие. Твою же мать! Вроде разборки по расписанию должны быть? А у меня прям шило в попе, весь на взводе. В тот вечер никто так и не явился. Наутро пришла эта пиздятина (выглядела испуганно и виновато):

– Я тут подумала, может нам не стоит ссориться, правда? Давай забудем все, хорошо?

Я стоял и кипел. Ты же сука тупая, я чуть грех на душу не взял, кусок селедки проклятой! Но сдержано ответил:

– Больше ко мне не подходи и держись подальше.

Днем позвонил Алик, спросил, как все прошло. Я ему рассказал, и мы вместе знатно посмеялись, он сказал в случае чего звонить. Я положил трубочку и понял, что за моей спиной стоит вся общага, а за общагой целая банда отморозков. Это хорошие козыри, но не приведи Господь ими воспользоваться. Как и прежде, я надеялся лишь на себя.

Глава 6. Боль

Буквально на следующий вечер прямо перед отбоем я, по традиции первого курса, как обычно, собирался выпить водки (молодость, что еще скажешь), как вдруг ко мне постучали в дверь. На пороге стояла заплаканная девушка с первого этажа (там жили девочки, поступившие на базе 9 классов – совсем юные). Она сказала, что ее соседка умирает. У меня после этих слов упало желание пить. Я и Некит ломанулись вниз. В комнате я увидел испуганных девушек. Они столпились вокруг подруги – ее звали Татьяна, она была вся синяя (ну знаете, когда человек синее от нехватки кислорода – вот один в один).

– В чем дело?

– У нее приступ астмы!

Я выдохнул с облегчением, подумаешь – приступ, сейчас ингалятором исправим дело.

– Где ингалятор-то?

– Уже брызгали сто раз, он не помогает!

И вот в этот момент я понимаю, что брызгать сто раз подряд нельзя – будет передозировка, затем отек и удушье. Я понял, что дело дрянь, но максимально сохранял спокойствие (девочки ведь смотрят).

– Таня! Что в таких случаях ты делала дома?

Таня прохрипела что-то, но я ни хера не понял.

– Что! Что ты говоришь? Повтори!

Она тыкала пальцем в шкаф, и я выпотрошил шкаф до основания, достав оттуда здоровенные ампулы с каким-то препаратом. Было понятно, что это нужно ввести внутривенно, как можно скорее, но чем? Таня посинела окончательно.

– Шприц! Где ебаный шприц?!

– Нету... Девочки плакали навзрыд.

– Некит, давай бегом на вахту – там телефон, скорую вызывай.

Некит заорал через весь коридор:

– Он закрыт! Вахта ушла куда-то!

– Кто на вахте сегодня дежурит?

– Светка-сука (та сама сука, что люто ненавидела всех инвалидов).

Общага перекрыта, она где-то в здании, мы побежали ее искать и нашли. Я максимально уравновешенно и спокойно объяснил, что у девочки приступ и надо бы скорую вызвать, на что услышал ответ: «Всем спать, ептваемать».

– Нет уж, Светлана, простите, на этот раз дело посерьезней недожаренной картошки, там ребенок сейчас сдохнет!

– Я тебе что сказала? Вали спать. Сейчас в журнал запишу, завтра из общаги вылетишь, умник хуев. У нее сейчас все само пройдет, идите все спать...

На этом моя вежливость закончилась. Я, наверно, визжал, как резаный, что «вынесу к хуям собачьим дверь, если ты сейчас ее не откроешь». Некит ломанулся вперед меня выносить дверь (он был толстый, ему это дело плевое). Бежим мы втроем наперегонки с третьего этажа на первый: я с Некитом, чтобы выломать дверь, Светка бежит, чтобы поглядеть, что там с девочкой. Победила Светка. Этот спринтер прилетел каким-то чудом вперед и наконец увидела ужасающую картину.

– Вызывай скорую, бегом!

Светка открыла кабинет и вызвала экипаж. Нам оставалось только ждать. Я зашел в комнату к девочкам и увидел, как слюни текли на пол от синей девочки.

– Не успеем, – вскрикнул Некит.

– Светка, тащи сюда шприц, я знаю у тебя в аптечке должен быть!

- Хуй тебе, а не шприц! Не дам! (вы не ослышались, Светка отказалась давать шприц).
- Некит, выламывай нахуй там все, мне нужен этот ебанный шприц!

Тут раздался громкий стук – в парадную дверь стучался экипаж, ребята успели вовремя.

Но это не спасало ситуацию. Из-за нехватки кислорода у девочки сузились сосуды, и вколоть лошадиные десять кубов было тупо некуда. Медик гаркнул: «Пошли все вон отсюда!». Я вышел в коридор и сполз по стенке на задницу. Это был не самый приятный вечер в моей жизни. Рядом сидел Некит, схватившись за голову – мы не были морально готовы к этому, нас никто не готовил. Из комнаты вышла Светка, бледная, как лист бумаги. Я заглянул туда и увидел лужу крови на полу – девочку кололи куда угодно, лишь бы попасть в вену. В конце-концов воткнули в кулак и загнали десять кубов в ее маленькую ручку – кулак был как мячик. На мое удивление, девочка в течении пару минут из синей превратилась в красную. Медик молча вышел, что-то объяснил Светке, попрощался и ушел. Мы его отблагодарили и попрощались, но кто же знал, что мы скоро вновь увидимся. Светка подошла ко мне и сказала:

– Я не могла дать тебе шприц, это подсудное дело. В случае смерти человека я, как старшая, понесла бы наказание, пойми правильно.

Спустя пару дней она уволилась. А я уехал по очередным делам домой, где мне сообщили, что эта девочка в реанимации.

– Как? Опять?

– Ага, на этот раз не астма, а диабет (да, читатель, у молодой красивой девочки была астма и сахарный диабет – вот такая сраная жизнь). Ее откачали и сохранили жизнь.

Вернувшись в общагу, я услышал, как у кого-то играет Петлюра. Мариец Пашиев сидел в слезах и пьяный.

– Ты чего, братан?

А он мне говорит: «Я, когда в аварию попал, полгода в коме лежал (отсюда и дыра в черепе), а моя девчонка меня ни разу не навестила. Я любил ее сильно, родные все отговорки придумывали – что на учебе, что некогда, а когда на ноги встал, узнал, что умерла она... А Петлюра, вроде как, ее исполнитель любимый был».

Вот тебе и воспоминания, блин. На душе стало противно – практически каждый учащийся, перед тем, как попасть сюда, сполна хлебнул горя в своей жизни.

Вечером в коридоре я встретил цыганенка Жулика. У него активно закручивался роман с одной из девушек, живущей на втором этаже. Это выглядело мило: смуглый круглый Жулик и голубоглазая стройная блондинка – прямо кофе с молоком. Вы же понимаете, что я не зря упомянул Пашиева и Жулика?

Этим вечером, изрядно выпив, они поняли, что им срочно требуется добавка. А где ее взять? Ребятам захотелось выбраться из общежития и погулять от души, но вахтерша наотрез отказалась выпускать их из здания после отбоя. Это стало роковой ошибкой. Весь вечер они пытались придумать, как выбраться из здания, и, как назло, все девочки, живущие на втором этаже, отказали в тамошне (вылезти через окно девочек). Было принято решение слезть с третьего этажа, с тыльной стороны, где, в случае чего, падать помягче, но и тут судьба распорядилась иначе. Отказались все, кроме чистокровного татарина Раиса. Но под его окнами был асфальт. Мы занимались своими делами, болтали по душам, как вдруг раздался грохот и громкий смех за стенкой. Я еще не успел отойти от страшных событий с девочкой и реагировал на все очень резко. Вот и сейчас я влетел в соседнюю комнату и увидел, как на полу катается Раис и смеется взахлеб.

– В чем дело?

– Жулик! Жулик упал, уха-ха-ха. (Мне было нихуя не смешно).

– Ты придурок, где Пашиев?

– Он тоже валяется внизу, аха-ха-ха.

Ребята связали простыни и хотели по ним спуститься, но чтобы узлы не развязались, нужно было концы смочить водой. Они этого не сделали, и в итоге узлы развязались в самый неподходящий момент. Я выглянул в окно и увидел там пиздец. Жулик валялся и корчился от боли, а рядом скакал шокированный Пашиев.

– Вы живые там?

– Нет! Жулик переломался конкретно. Что мне делать?

– Что делать, блядь, стучи в окно вахты и сваливай нахуй в кусты. Пашиев поступил так, как было велено, а мы, в свою очередь, осознали, что стали свидетелями плохого случая. Нас будут допрашивать, и нам срочно нужно алиби. Некит вскрикнул:

– Бегом все по комнатам, типа спим, делов не знаем.

План был гениальным: Жулик курил в окно и выпал – за это не отчислят. Мы спали, а Пашиева и не было вовсе – супер!

Я шел в комнату и понимал, что мы поступаем не так, как надо. Жулик лежит переломанный, а мы гасимся. Надо было помогать. Я принял единственное верное решение:

– Так, всем стоп! Разделись быстро до трусов и бегом на вахту. Мы проснулись от шума и увидели Жулика – вот и вся легенда.

В одних трусах мы прибежали вниз и разбудили вахту. Ребята занесли Жулика на руках в коридор, он был весь бледный.

– Парни, мне пиздец! Я ноги не чувствую!

Я решил, что перелом. В принципе, штука обычная при таких падениях, но дальше был ужас. Если вы кушаете, то не читайте. Парни начали задирать штанину (я орал, что лучше не трогайте, нахуй), и мы увидели, как его нога болтается на одной коже! Его плотное телосложение и круглая форма тела сыграли злую шутку – при падении с высоты он переломал обе берцовых кости и разорвал мышцу, но кожа не лопнула.

– Что случилось? – спросила вахта.

– Вот, курил, упал...

И тут, сука, заходит с улицы Пашиев одетый (он не смог убежать, он посчитал это предательством и вернулся обратно, чтобы взять всю вину на себя – это мужской поступок, но он будет ему дорого стоить), и наша легенда прогорела в пух и прах. Я сделал морду кирпичом: ничего не видел, ничего не знаю. У Жулика прошло шоковое состояние, и он начал чувствовать боль, адскую боль. Приехал экипаж скорой помощи, и зашел уже знакомый врач. Мы поздоровались взглядом. Врач приступил к осмотру и заявил:

– Так, у него все плохо, мне нужно два, а лучше три человека в дорогу в качестве сопровождающих. Быстро!

Я, Некит и Пашиев загрузили кричащего Жулика в карету скорой помощи и уехали в ночь.

Жулик скрипел зубами и рычал от боли. У него текли слезы, а я не сразу сообразил, что происходит. А дело было в том, что на каждом лежачем полицейском нас подбрасывало; тело было зафиксировано ремнями, а нога отдельно скакала по кушетке, как отрубленная. Жулику крутило все жилы, и он шипел и скулил от боли.

– Дай! Дай мне руку!

Я держал его руку и ощущал, как он страдает, но ничем не мог помочь.

– Ногу придерживайте ему!

Мы быстро прилетели в городскую больницу и стали ждать хирурга. Казалось бы, все уже позади. А никуя. Пришел хирург, выходец из средней Азии, и говорит:

– Хеде? Хеде болит? Показай мене...

Я ткнул пальцем в ногу и сказал:

– Перелом у него.

– Аха...

И он начал крутить ему ногу (я не медик, но выглядело это, как пытка).

– На рентген его давай.

Мы оказались на третьем этаже больницы у кабинета рентгенолога. Женщина с порога заявила:

– Так, больной, мы в детском отделении. Не вздумай орать – детей перепугаешь.

На часах было три часа утра. Мы положили Жулика под аппарат, накрыли куртками и свалили из кабинета.

– Первый снимок – хорошо. Теперь нужен второй, кладите его на бок.

Мы и положили... Тело Жулика повернули, а нога так и осталась лежать неподвижно от тела, ему перекрутило все жилы. Жулик орал и жевал свой кулак:

– Судорога! Судорога, отпусти, пожалуйста!

Я не помню, как мы сделали снимок. Я покрылся липким потом. Мы привезли обессиленного Жулика в палату, где ему нужно было лечь на растяжку. Сука, лучше бы я отвернулся. Он переполз на кушетку. А теперь нужно положить переломанную ногу на такую штуку для растяжки (хуй его знает, как она называется). Он поднял переломанную ногу и она сложилась буквой «Г». Он положил ее, не издав ни звука. Некит повернулся ко мне и замычал от ужаса, заткнув рот кулаком (да, мы охуели от увиденного). В палату зашел хирург с дрелью (как в фильме «Пила») и сказал:

– Домой идите, пожалуйста.

Мы покинули больницу. На часах четыре утра, в глазах туман, болела голова.

– Давайте выпьем, пока идем обратно, а?

– Давайте...

Мы шли и жадно глотали пиво, как будто у нас обезвоживание. Пашиев сказал: «Мне завтра пиздец – точно выгонят».

Я упал в постель и, к своему удивлению, уснул и умудрился выспаться, а вот Некит из-за пережитого стресса не смог уснуть. Его до утра трясло. Утром нас построили в спортзале, и довольный директор потирал руки и глаголил:

– Сегодня утром я узнал, что у нас не Центр Реабилитации, а филиал Рязанского училища ВДВ. Только мы круче. Мы без парашютов с окон прыгаем. Так, Пашиев?

– Так.

– Иди забирай медаль за отвагу, и документы заодно. До свидания. Один прыжок – минус два десантника. Теперь пей водку, сколько влезет. А вот второй сейчас будет лежать, и очень долго лежать! Теперь намотайте на ус и марш на занятия.

Мы ушли молча. Еще бы, за пару месяцев учебы были большие потери в живой силе, а я за неделю насмотрелся таких ужасов, что по сей день жутко. В кабинете мне выдали листок и бланк с оценками.

– Это зачем? – спросил я препода.

– Это мы высылаем твоим родным по почте, а ты подпись поставь, что ознакомился с табелем оценок, и можешь даже тут пару строчек маме написать.

Я и написал: «Здравствуй, мама. Людей теряем, как на войне... Но учусь хорошо. Твой послушный сын».

Глава 7. Жизнь налаживается

После ужасных событий первых месяцев внезапно наступило затишье. Массовые потери среди учащихся прекратились, а мы стали дружнее. Но «крысы», ворующие телефоны, никуда не исчезли. Вечером, вернувшись в комнату после любовных посиделок у девочек, я обнаружил пропажу своего телефона. Сосед-наркоман Тромб отсутствовал в общежитии, и подозрения на его счет сразу отпали. В комнате весь вечер торчал Ниндзя, а он уж точно не посмел бы что-то взять, и первый вопрос был посвящен ему:

– Ниндзя, сука! Кто был в комнате в течение вечера?

– Никого!

– Ты выходил куда-нибудь?

– Ну вот, я еще в туалет писать ходил...

– Так, а дверь? Ты же закрывал дверь?!

Ниндзя был честным человеком и, опустив глаза, признался, что не закрывал дверь.

– Вот ты сука, Ниндзя! Ты понимаешь, что телефон спиздили из-за тебя? Я же говорил сто раз, что двери нужно закрывать.

Я орал во все горло, кипел, и кулак сам сжимался. Я хотел ударить Ниндзю по лицу от всей души – он был в корне не прав, не соблюдая элементарные правила безопасности, что повлекло пропажу телефона, моего телефона!

Ниндзя выглядел морально убитым, зашуганным, и его синяки после перелома носа еще не до конца сошли с лица. Он осознавал, что он не прав, и покорно ждал, когда я его ударю по лицу. На мгновение я пришел в себя и попытался успокоиться (вылететь из общаги за драку дело пяти секунд, и бить-то его жалко стало, он и так на пиздюлях живет). Я наклонился к нему и сказал:

– За твой проступок пиздюлина тебе полагается. Но за то, что не стал врать – уважаю и бить не собираюсь.

Ниндзя опустил голову, и депрессия с головой его захлестнула. Он целиком и полностью осознавал свою вину.

Я шел по коридору и пытался сообразить – кто? Кто мог это сделать? Подозреваемых хватало с избытком. В курилке я объяснил ребятам ситуацию, что спиздили телефон, и добавил:

– Вот бы общагу перевернуть вверх дном?

Дальше случилось то, чего при мне еще не было. В коридор вылетел весь состав старшего курса, и они сказали:

– Крысу надо найти и загасить, поэтому шмонаем всех!

Молодые поддержали: воровство окончательно достало людей. По этажу носились парни и проверяли буквально все. Начали, естественно, с моей комнаты и по порядку остальные, каждого без исключения. На выходе с этажа встали парни и принципиально никого не пропускали до прекращения «братского шмона». Переворачивали и потрошили полки, кровати, матрацы, шкафы, тумбочки и карманы жителей комнат. Я зашел в туалет – а там унитазные бачки и мусорные ведра трясут.

«Вот это да, – подумал я, – такого еще не было». Стихийный шмон перешел на второй и первый этаж, общежитие было перекрыто и выйти никто не мог. Ситуацию урезонил один парень, страдающий ДЦП (детский церебральный паралич).

– Вы зря носитесь. На месте вора я бы скинул телефон в окно, спрятав в носок или в пакете.

Но из общаги нас никто, естественно, не выпустил – не положено. Любопытная деталь – при обыске некоторых комнат находились давно потерянные вещи типа зарядного устройства, кружки, тарелки, ботинка. Были даже трусы. Но это была такая мелочь, что по этому поводу

никто разборки не устраивал. Телефон пропал, и все без исключения ненавидели Ниндзю за его косяк. До конца года Ниндзя выхватывал от всех пиздюлину. По сути, ни за что, но я принципиально не заступался. Я осознавал и еще кое-что: «крыса», наверняка, тоже принимала участие в обыске. Должен сказать, что кто бы он ни был – он был блестящим актером.

На утро ко мне подошел самбист Зырян и сказал:

– Не расстраивайся. У меня день рождения сегодня. Поэтому я приглашаю тебя в кафе после занятий. Посидим, выпьем, повеселимся.

Это была шикарная новость, но сперва надо было достать новый телефон. Стало понятно, что покупать хороший телефон не имеет смысла. Его в любой момент могут спиздить так, что ты не сразу и заметишь. Значит, нужна балалайка, которая не ломается и стоит дешевле чебу-река на вокзале. Я обратился к местным. Они ткнули пальцем на парня по имени Иван, который мне продал за триста рублей явно ворованный телефон-балалайку без зарядного устройства и, естественно, без документов. Телефон звонил – и это было главное, а внешний вид его напоминал щетку для чистки обуви. Ни один барыга такой телефон брать на реализацию не станет.

Вечером мы собрались на празднование дня рождения Зыряна. Встретились на трассе пятнадцать человек.

– Ребята, а когда следующий автобус до центра?

– Господа, он будет через час!

Это было слишком долго – водка остынет. Поэтому пошли пешком по трассе в надежде поймать по пути любой транспорт. И тут, не доходя пятидесяти метров до остановки, пару человек молча побежали вперед, затем еще пара. Я обернулся и увидел, что позади нас догонял рейсовый автобус, как раз до центра, но заберет он нас только на остановке, и надо бежать. Это была шикарная картина: пятнадцать человек бегут на автобус, и всем друг на друга откровенно похуй. Порадовал отстающий от всех Тромб. Он бежал, как мог и, заикаясь, кричал:

– Стойте, с-с-суки!

Мы все успели на автобус. Далее комедия продолжилась, когда довольному кондуктору мы показали кучу пенсионных удостоверений (проезд по городу тогда был бесплатный). Водитель прохрипел:

– И нахуя я вас подобрал?

Раздался громкий смех на весь салон, все было круто, мы ехали в отличном настроении. И именно так начинаются приключения.

Мы засели в отличном кафе, которое больше походило на небольшой ресторанчик. И тут какая-то скотина разбила рюмку. Откуда ни возьмись появилась администратор Анжела и объявила ценник:

– С вас сто рублей за рюмку.

– Не вопрос, Анжела, приносим свои извинения. Вот денежка, до свидания.

И опять какая-то тварь разбила что-то, и мы заплатили еще раз. Я начал осознавать, что просто так мы отсюда не уйдем. Апогей истории – мы выходим покурить, и мимо нас пробегают хохол Лушан, а за ним следом бежит охранник кафе. Оказывается, этот идиот спиздил все рюмки со стола, засунул их за пазуху и попытался убежать (не спрашивайте меня, зачем, и на кого он нас там оставил – я понятия не имею, эта сволочь перепила водки), но хохлятско-татарский засранец далеко не убежал. Он упал прямо на крыльце и разбил все рюмки, кроме одной. Затем встал и побежал. За Лушаном тянулся след от осколков рюмок, выпавших у него из всех щелей. Картина была хуже некуда. Охранник обернулся и спросил:

– Это ваш друг?

– Кто? Этот? Впервые видим этого подлеца!

Охранник, естественно, не поверил, и слово взял виновник торжества Зырян. Он что-то объяснял охраннику, а все остальные тупо ломанулись бежать (я горел от стыда и понял, что с этим контингентом в приличные места я больше ни за что не пойду). Мне ничего не оста-

валось делать, как валить оттуда нафиг. За углом дома я нашел всю честную компанию, все ругали Луцана за idiotский поступок, а тот молчал и хлопал глазами. К нам подошел Зырян и гордо заявил:

– Проблема решена! Пойдемте в общагу.

Я даже обрадовался на мгновение. По пути мы прикупили еще горячего и дорога домой была веселой, только вот Луцан по пути исчез.

Мы заходили в общежитие, а там уже стоял администратор Анжела и наш довольный директор учебного заведения, которого поздно вечером разбудил хозяин кафе и рассказал всю историю (они были друзьями) и попросил решить проблему.

– Зырян, ты же сказал, что решил проблему?

– Так я ее и решил, убежал и все.

А директор по привычке потирал руки и улыбался (я кирпичей наложил сразу, первая мысль – мы отчислены нахер).

– Ну что, мажоры, пройдемте в воспитательскую!

Нас усадили на диванчики и тут началось.

– Вы что, кафе попроще найти не могли? Какого хрена сунулись в такое приличное заведение такие неприличные люди?

Директор говорил громко, но без мата: количество кирпичей в наших штанах росло. Никто из нас не собирался быть отчисленным из-за воровайки Луцана, и мы его дружно, красиво и технично заложили к чертовой матери (а нехуй воровать). Директор почти закончил речь, и мы уже почти перекрестились (речи об отчислении не было, и нас это радовало), как вдруг на диванчике очнулся один чудик – Митя. Он подскочил с дивана и закричал:

– У меня есть адвокат!

На мгновение все замолкли и попытались осознать, при чем тут адвокат. На этом добрый директор закончился, а мы познакомились с бывшим сотрудником уголовного розыска. Если быть кратким, то он предупредил:

– Будете выкобениваться, я вас отправлю всех в отделение, до утра посидите в подвале, затем из вас выбьют самые нужные показания, и ваша посиделка вам дорого обойдется.

Мы кинулись затыкать рот Мите, и слово взяла Анжела.

Она сказала все максимально коротко: «Бой посуды на две тысячи рублей, возмещаете завтра, а я пошла домой спать». Директор стрельнул в нас волчьим взглядом матерого следака, и кирпичей в наших штанах стало еще больше. Он ушел, а мы летали по общаге и крыли матом Луцана, собирая деньги. Наутро мы узнали, что скотина Луцан всю ночь трахался с... (не могу написать с кем, не дай Бог прочтут, но не с мужиком, а с не совсем простой девушкой, на квартире, о которой нельзя писать даже сегодня). Кстати, злосчастная рюмка до конца учебы использовалась по назначению. Еще бы, мы отвалили за нее две тысячи рублей, но наказание было справедливым.

Мы благополучно расплатились за бой посуды. Впереди были выходные, надо что-то придумать. Кто-то в шутку предложил:

– Может, съездим на дачу к Раису?

Несуществующая баня, девочки и гитара (ну, кто читал, помнит). Мы знатно посмеялись, и Раис опять покраснел – он был конкретным объектом для шуток. В столовой наших парней поймали местные девочки (блин, они были реально красивыми) и предложили в пятницу вечером встретиться в местном ночном клубе Магнит. Ночной клуб? Звучит заманчиво. К тому же я не бывал в настоящих ночных клубах, поэтому идти надо было по-любому. Но вот незадача – я не был в списке приглашенных, а идти туда, так сказать, особняком, в 2006 было равносильно самоубийству (ну, тогда людей калечили с целью телефон отобрать). Вопрос решил старшекурсник Киприян. Он подошел ко мне и заявил: «Видишь вон ту девочку (я увидел симпатичную девицу среди не менее красивых ангелочков)? Вот она требует твоего присутствия в клубе,

а я с ее подружкой буду тусить, поэтому идем вместе – так веселее и надежней». Моему счастью не было предела, меня впервые вот так кадрили. Но вы же понимаете, что я не зря начал рассказывать про эту историю – этот поход стал звездным выходом в свет, и приключений в ту ночь было более, чем достаточно. Но об этом в следующей части...

Глава 8. Любовь-морковь и клубы

Наступила пятница, и цыганская почта сделала свое дело – желающих коллективно сгонять в ночной клуб было невероятное количество. Студенты разделились на два лагеря: первые планировали поход в «Магнит» (ваш покорный слуга лыжи намыливал как раз туда), вторая группа планировала поход в «Вегас». Вот только про него ходили слухи, что это место – чистейшая преисподняя, эдакий «бойцовский клуб». В этот день очередную хохму отмочил прибалт Раймондс. Ему поручили сварить кашу на кухне (по совместительству умывалке), и все бы ничего, но под рукой мелькали другие кулинары и желающие постирать носки, поэтому на столе было куча всего. Раймондс начал искать сливочное масло, но никак его не мог найти, вроде только что кто-то его доставал, а его уже нет.

– Ребят, масло где?

– На холодильнике, вон, порезанное на дольки лежит!

Счет шел на секунды, Раймондс кинул дольку и начал размешивать, только масло начало пузыриться... Прибалт взял ложку, снял пробу и вскрикнул:

– Тьфу ты, черт, да это же мыло!

Хотите – верьте, хотите – нет, но Прибалт впопыхах закинул кусочек порезанного мыла в кашу! Каша накрылась медным тазом.

Тем временем я залетел в комнату и увидел, что мои соседи, Тромб и Ниндзя, собираются на выходные домой. Вот это круто, теперь я тут сам себе хозяин! «Надо бы бабу вечером привести», подумал я, и сразу побежал присматривать жертву. Оперативный обход женского этажа показал, что симпатичные особи уехали или уедут домой, остается минимальное количество девушек – тут уж чистая лотерея: либо на коне, либо с крокодилем в постели. И тут я вспомнил, что сегодня поход в клуб с Киприяном. Так, стоп! Поиск жертвы был автоматически приостановлен. А где он, собственно? Без него я никуда не пойду. Мне сообщили, что Киприян уже отсутствует в общаге, смылся, гад! Я выпал в осадок, вроде порядочный парень, не должен кинуть. Наступил вечер, и по коридору уже опустевшего общежития замученной походкой шел прибалт Раймондс, он был с ног до головы грязный и в репье (ну знаете, репейные колючки).

– Раймондс, ты откуда?

– Не спрашивай, братан, мне так плохо, я ног не чувю.

Оказывается, Прибалт отмочил очередную за день хохму. В наказание за испорченную кашу его попросили съездить до центра, прикупить кое-какие вещи. Но доехать обратно он не смог. Дело в том, что из центра по городу ходят два автобуса: один в сторону района, другой в общагу. Угадайте, куда сел Прибалт? Правильно, не в тот автобус. Ориентиром служил холм, за которым располагалась общага. Раймондс заподозрил неладное, когда холм скрылся за горизонтом, а таблички указывали, что до Екатеринбурга рукой подать. В панике он выскочил из автобуса, но, к своему горю, узнал, что обратно ему ну никак не доехать. И шел наш друг полями и лесами, через реки и горы, дабы срезать путь. Вернулся он в общагу поздно вечером, отшагав добрые полтора десятка километров, грязный, и в репейнике (где он его нашел под снегом?). Я от такой истории смеялся во все горло, а Прибалт скулил в подушку.

На мою балалайку позвонил растаман Тоша, и, к моему дичайшему удивлению, он прокричал в трубку:

– Братан, щас я тебя заберу из общаги и увезу к Киприяну, все тебя ждут на квартире, у нас знатная пьянка идет! Без тебя в клуб не выдвинемся, так что сиди и жди!

Меня привезли на квартиру к одному молодому преподавателю из нашего заведения, по совместительству мастеру учебной группы (это то же самое, если бы школьники пили на квартире у классного руководителя). Как вы могли догадаться, кое-кто крутил шуры-муры

с преподом, сюрприз, мазафака! Там и вправду шла знатная пьянка, состав был шикарный: Зырян, Лушан, Тоша, Киприян и так далее (бригада Ух и Ах, в общем).

В назначенный час мы очутились в клубе «Магнит», и нас встретила ох, какая шикарная девушка с параллельной группы, и кинулась обниматься. Нас проводили в зону отдыха, где сидели одни девчонки. Растаман Тоша, раскрыв рот, промычал:

– Видимо, с парнями у них совсем туго, раз нас так встретили!

Вы наверняка слышали в сети Интернет шутку-баян «Верните мне мой 2007!». Я сейчас попытаюсь объяснить, почему я тоже требую вернуть свой 2006/2007 год. В то время клубная музыка внезапно начала набирать мощные обороты и стала популярной, как никогда. В начале нулевых это был Benny Benassi со своим «Сатисфекшеном» (простите за мой монгольский), и постепенно диджеев становилось больше и больше. Популярность клубной музыки стремительно росла. Кто клубился в 2006/2007 годах, наверняка помнит треки Dj Слесаря, Ромео, Бензина, и еще десятка непонятных диджеев. И самое смешное то, что одну и ту же композицию приписывали разным диджеям (в лицо-то их никто не видел и не знал). Попса сменилась клубной музыкой везде, от мегаполиса до села Кукуево. Эта атмосфера была особенной, мы были первым поколением, которое танцевало под хороший клубняк. Для меня это очень приятный период жизни, сейчас такую музыку не играют, увы – вышла из моды. Кстати, я заметил, что сейчас даже танцуют не так, как раньше. Но в тот вечер зимы конца 2006 года танцпол взрывала DVJ Vazuka. Что творилось в клубе – не описать, мощная аппаратура и стробоскоп делали свое дело.

Я дрыгался на танцполе, как припадочный, и вдруг меня одернули. Я увидел татару Раиса с общаги, мы вышли в коридор, и я спросил:

– Вы же в «Вегасе» должны были отдыхать, ты че тут делаешь?

– Братан, там Чечня натуральная! Адовое местечко, не хватает Сатаны за пультом, и я решил попытать удачу тут, и кажется, я не прогадал. Со мной еще прибалт Раймондс был, но он где-то пропал. Надеюсь, он жив!

Клуб «Магнит» был реально круче, и, как выяснилось, безопасней. В тот вечер у меня состоялась встреча с той симпатичной девушкой, и когда настал момент первого поцелуя, случился конфуз – целоваться она не умела вообще. Вас когда-нибудь облизывал щенок? Так неуверенно – то в щечку, то языком по губам? Вот что-то подобное происходило и там. Под утро местные девочки внаглую погрузили нас в такси и увезли на квартиру, мы с парнями ощущали себя проститутками (странное ощущение, должен вам сказать). Дома все разбилось по парам и уснули, начало любовных отношений было заложено. Вернувшись в общагу, первым делом все делились впечатлениями в курилке. Угадайте, у кого были самые яркие истории? У Прибалта, конечно! Но обо всем по порядку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.